

ИРАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ГИБЕЛИ А. С. ГРИБОЕДОВА

Б. П. БАЛАЯН

А. С. Грибоедову — чрезвычайному посланнику России в Иране пришлось действовать в весьма сложной политической обстановке. После заключения Туркманчайского мирного договора, завершившего вторую русско-иранскую войну 1826—1828 гг., началась война между Россией и Турцией. А. С. Грибоедов стремился не допустить образования ирано-турецкой военной коалиции вопреки усилиям Англии и Турции, а также реваншистски настроенной части правившей Ираном династии Каджаров. Одновременно А. С. Грибоедов добивался решения проблемы контрибуции, чтобы в условиях усилившегося проникновения английского капитала в Иран улучшить после войны отношения с правительством Фатх-Али-шаха. Каджары были не в состоянии внести остаток долга — 1 025 000 туманов и в случае неуступчивости царизма рассчитывали войти в союз с Турцией. Не менее сложной и важной была проблема освобождения и переселения в Россию более сорока тысяч пленных армян и грузин, попавших в Иран во время опустошительных войн и нашествий.

В этих условиях А. С. Грибоедов склонял наследного принца Аббас-мирзу, руководившего армией и внешней политикой Ирана, к военно-политическому союзу с Россией и параллельно добивался сближения Ирана с Месопотамией, поработанной Османской империей. Своему правительству Грибоедов предлагал отказаться от части контрибуции, не уплаченной Ираном, и разрешить Аббас-мирзе поездку в Петербург.

Однако в Петербурге отклонили важные рекомендации Грибоедова, и в итоге, после вынужденной поездки Грибоедова за остатком контрибуции в Тегеран, в русско-иранских отношениях произошла резкая перемена. Пойдя навстречу проiscaм английской и турецкой дипломатии, Каджары организовали против Грибоедова заговор, быстро приведший к кровавой расправе.

Большинство этих вопросов, как правило, не затрагивается в работах иностранных буржуазных авторов. Советские историки (В. Т. Пашуто, С. В. Шостакович, В. А. Парсамян, И. К. Ениколопов, А. В. Фадеев, О. П. Маркова и др.) разоблачили фальсификацию истории гибели А. С. Грибоедова в английской историографии. Однако иранская историография, посвященная миссии Грибоедова, у нас почти не изучена.

Анализ иранских работ позволяет выделить в них два основных направления. Одно из них, более трезовое и объективное, увязывает историю убийства Грибоедова с англо-русскими противоречиями на Востоке и экспансионистской политикой Англии в

Иране после заключения Туркманчайского договора. Другое направление, наиболее распространенное и известное еще по иранским хроникам прошлого века, отрицает политический характер разгрома русской миссии и обвиняет в гибели А. С. Грибоедова... его самого. Эта концепция разработана профессорами Тегеранского и Тавризского университетов Али-Акбаром Бина, Ахмедом Таджбахшем, Аббасом Эгбалом, перу которых принадлежит ряд трудов по дипломатической истории Ирана первой трети XIX века, в том числе и по истории русско-иранских отношений.

Мы остановимся сначала на доводах представителей этого последнего направления. Исследователю русской дипломатии и тем более жизни и деятельности А. С. Грибоедова трудно узнать реальных исторических лиц в рисуемых ими персонажах. В работах Бина, Таджбахша, Эгбала Грибоедов и его сотрудники предстают людьми в высшей степени легкомысленными, безответственными и своенравными, меньше всего заботившимися о точном соблюдении условий Туркманчайского договора и установлении хороших отношений между Россией и Ираном.

А. Бина в книге «Политическая и дипломатическая история Ирана», изданной в 1955 г., пишет: «Бестактное, грубое поведение служащих грибоедовской миссии в Тавризе озадачило Аббас-мирзу, который обратил внимание Грибоедова на недисциплинированное, неприличное поведение его сотрудников». В чем же выражалось это «грубое поведение» русских дипломатов? Оказывается, в том, что «русский посланник только для однодневного содержания сорока служащих миссии предъявлял спрос на одну корову, одного теленка, 40 кур, 200 яиц, 50 кг риса, 15 кг сливочного масла, 17 литров кислого молока, 6 кг сыра, 12 кг сахара, 9 кг лука, 300 литров всяких напитков, 120 кг хлеба и других продуктов»¹. Если верить Бина, каждый русский потреблял до 20 кг продуктов ежедневно! Нет нужды доказывать, что сотрудники миссии не истощали продовольственные запасы иранских базаров.

Столь же несостоятельной является версия третьего сына Аббас-мирзы, принца Джахангир-мирзы, рукописи которого были впервые опубликованы в 1948 г. под названием «Новая история». Извращая факты, Джахангир-мирза утверждает, что «все мусульманки, которых приводили в миссию, оставались там на ночь под наблюдением Грибоедова»; в частности, посланник «отказался опрашивать наложницу из гарема первого министра шаха Аллахяр-хана в присутствии его людей, оставил эту пленницу в помещении миссии, а сопровождавших ее иранцев отправил обратно»². Бина «развивает» эту версию: Грибоедов оставлял пленниц в помещении миссии вопреки их желаниям³.

Беспопечность этих домыслов очевидна. Уцелевшие первый секретарь миссии Мальцев и переводчик Меликов указывали, что пленницы опрашивались публично, а в миссии оставались по их же просьбе, чтобы вернуться на родину⁴. К тому же к комнатам, где содержались эти женщины (которых было опасно оставлять на прежних местах жительства), был приставлен караул из солдат иранской охраны миссии⁵.

Кстати, этим версиям противоречит тезис автора «Истории Ирана» А. Эгбала, согласно которому все думы и желания Грибоедова были устремлены к горячо любимой им красавице-жене, которую он оставил в Тавризе и из-за которой спешил закончить дела, не заботясь о выполнении отдельных статей Туркманчайского договора⁶. Эгбал стремится создать впечатление, что русский посланник не уделял достаточно внимания проблеме освобождения пленных и потому сам виновен в собственной гибели. Однако Эгбала опровергает другой иранский историк, М. Махмуд: «Грибоедов настойчиво

¹ Али-Акбар Бина. Тарих-е сиаси ва дипломаси Иран. Джелд-е авваль. Техран, 1333, стр. 251.

² Джахангир-мирза. Тарих-е ноу, Техран, 1327, стр. 120—122.

³ Али-Акбар Бина. Указ. соч., стр. 251.

⁴ «Кавказский сборник», т. XXX, Тифлис, 1910, стр. 162; Г. М. Петров. Новые материалы об убийстве А. С. Грибоедова. «УЗ Института востоковедения», т. VIII. М., 1953, стр. 158.

⁵ С. В. Шостакович. Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова, М., 1960, стр. 224.

⁶ Аббас Эгбал. Тарих-е мофассал-е Иран аз эстила-е могол та энкераз-е Каджарие, Техран, 1320, стр. 391.

требовал освобождения и возвращения пленных на родину на основании Туркманчайского договора. Но провокации вокруг этого вопроса привели к тому, что жители Тегерана закрыли базары и разгромили русскую миссию»⁷.

Общая оценка причин, приведших к разгрому русской миссии, изложена Хедаятом в его хронике прошлого столетия, перенесенной в 1959—1961 г. Грибоедову адресуется упрек в том, что он не считался с тем, что многие пленники приняли мусульманство, имели детей и находились в Иране чуть ли не со времен Керим-хана Зенда. Поэтому мусульмане не разрешали христианам посещать их дома для выявления пленных и подняли восстание. Автор хроники уверяет, что тысячи горожан, вышедшие из повиновения, не послушали бы и самого шаха⁸.

Нельзя не заметить, что Хедаят пытается использовать ислам для оправдания завоевательных походов шахских войск в Закавказье и бесправного положения пленников. Известно, что в числе пленников, освобожденных А. С. Грибоедовым, был и евнух из гарема шаха Мирза-Якуб, передавший русскому посланнику адреса других пленников. Его дело было искусственно раздуто и фактически стало находкой для организаторов заговора. Не добившись выдачи Мирзы-Якуба, иранские власти обвинили его в похищении сокровищ шаха. Джанхангир-мирза ввел в оборот версию о том, что на Мирза-Якубе лежит и вина за нападение на русское посольство. Каджарский принц утверждает, будто евнух «в присутствии Грибоедова, осыпал бранью иранцев, пришедших с просьбой освободить женщин, после чего с крыш и стен соседних домов люди посланника открыли стрельбу, убили и ранили многих мусульман»⁹. Хедаят еще более сгущает краски: «Посольская охрана взобралась на крыши миссии и из винтовок расстреливала иранских детей»¹⁰. Версия придворных хронистов прошлого века раздувается современными авторами. Профессор Тавризского университета А. Таджбахш в книге «Ирано-русские отношения в первой половине XIX в.», изданной в 1959 г., пишет, что Мирза-Якуб «приказал посольской охране стрелять в собравшийся народ»¹¹.

Трудно поверить, чтобы приученный к церемониалу шахского двора Мирза-Якуб мог позволить себе в присутствии освободившего его Грибоедова, знавшего персидский язык, оскорблять иранцев или, не считаясь с присутствием посланника, приказал страже стрелять в толпу. При всех обстоятельствах казаки не стали бы выполнять приказаний Мирзы-Якуба.

В работах авторов второго направления нет столь грубых натяжек, столь примитивного и тенденциозного толкования причин убийства А. С. Грибоедова и разгрома русской миссии. Появление этих работ связано с тем, что вследствие роста антиколониальной борьбы и ослабления позиций Англии в Иране после второй мировой войны в официальной иранской историографии наметился новый курс, осуждающий английскую экспансию в Иране. Вдумчивые иранские историки стали все более определенно связывать английскую политику на Среднем Востоке в XIX в. с убийством А. С. Грибоедова. Так, Махмуд-Фархад Моатамед в «Истории ирано-турецких политических отношений», изданной в 1947 г., заявляет, что «Англия всегда преследовала реакционные, захватнические цели в отношении Ирана, а иранцы думали, что англичане оберегают их от русской агрессии»¹². Профессор Тегеранского университета Ферейдун Адамият в книге «Амир Кабир и Иран» признает, что «А. С. Грибоедов был убит в результате удивительной цепи интриг и козней» и призывает иранских историков «обратить внимание на эту сторону политической истории Ирана»¹³.

⁷ Махмуд Махмуд. Тарих-е равабет-е сиаси Иран ва Энглис дар гарн-е нуздахом-е милади, Техран, 1328, стр. 222.

⁸ Реза-Голи-хан Хедаят. Тарих-е роузат-ос-сафа-е Насери. Джелъд-е нохом, Техран, Шахривар, 1339, стр. 707—709.

⁹ Джанхангир-мирза. Указ. соч., стр. 122—123.

¹⁰ Реза-Голи-хан Хедаят. Указ. соч., стр. 709.

¹¹ Ахмед Таджбахаш. Равабет-е Иран ва Руссие дар нима-е авваль чарн-е нуздахом. Тебриз, 1337, стр. 100—101.

¹² Махмуд-Фархад Моатамед. Тарих-е равабет-е сиаси Иран ва Османи. Джелъд-е доввом, Техран, 1326, стр. 142—144.

¹³ Ферейдун Адамият. Амир Кабир ва Иран. Чап-е доввом, Техран, 1334, стр. 26. Амир Кабир был государственным деятелем Ирана; его политическая карьера началась после убийства Грибоедова, когда, он отправился в Петербург в составе искомительного посольства.

Значительный интерес представляет восьмитомное исследование профессора Тегеранского университета Махмуд Махмуда «История ирано-английских политических отношений в XIX веке», одна из глав которого называется «Дело об убийстве полномочного министра России Грибоедова». Махмуд отмечает утверждение о виновности русского посланника в собственной гибели («конфликт произошел вовсе не из-за Грибоедова») и прямо увязывает разгром русской миссии в Тегеране с деятельностью английской дипломатии. «Грибоедов пал жертвой тайной интриги тех, кто, пользуясь слабостью Ирана, сеял смуту и вверг эту страну в полосу осложнений», — пишет автор. Далее он поясняет: «Все несчастья Ирана были связаны с англо-русской борьбой. Преобладание России в Иране после заключения Туркманчайского договора значительно обострило эту борьбу, так как англичане не отказывались от Ирана, рассматривая его территорию как арену политической битвы с Россией... Всех тех экономических завоеваний, которых русские добились с помощью Туркманчайского договора, англичане стали добиваться другим путем». М. Махмуд указывает, что «Фатх-Али-шах целиком находился в руках Англии, политические агенты которой до 1830 г. были единственными советниками при его дворе»¹⁴.

Однако, справедливо обвиняя Англию, М. Махмуд, как и представители другого направления в иранской историографии, умалчивает об ответственности Каджаров за разгром русской миссии в Тегеране. Между тем убийство А. С. Грибоедова и его сотрудников было результатом политического курса, проводимого шахским правительством после заключения Туркманчайского договора.

Иранские историки стараются обходить статьи этого договора, касающиеся освобождения пленных, в то время, как именно они были использованы Каджарами при провоцировании разгрома русской миссии. Для А. С. Грибоедова — прогрессивного мыслителя и гуманиста возвращение пленных на родину было не просто официальной обязанностью, но и человеческим долгом. «Голову мою положу за несчастных соотечественников», — как-то записал Грибоедов в дневнике, словно предвидя свою печальную судьбу¹⁵. Что касается шаха, то он официально не осмеливался препятствовать выполнению статей Туркманчайского договора о пленных, но не препятствовал и тем, кто прятал их, зачислял в солдаты, продавал в рабство, а женщин помещал в гаремы.

Учитывая поражение Ирана в войне, тяжелые налоги, которыми облагалось население для выплаты контрибуции, а также религиозный фанатизм иранцев и нежелание владельцев пленных расстаться со своей «собственностью», можно понять, что отношение некоторой части населения Тегерана к русскому посольству было неприязненным. Однако бесспорно то, что существовал организованный и продуманный заговор проанглийски и реваншистски настроенного крыла правящей верхушки Ирана под руководством главы тегеранского духовенства Мирзы-Месиха. Накануне разгрома миссии сопровождавший Грибоедова Назар-Али-хан Афшари был вызван к губернатору и от него не возвращался. Погромщики заранее знали расположение четырех дворов в миссии и оставили невредимой квартиру этого Афшари на первом этаже, разгромив здание в четвертом дворе, где находился Грибоедов.

Есть все основания полагать, что «на стенах и крышах домов» были не «слуги посла», стрелявшие, как уверяет Джахангир-мирза, в народ и провоцировавшие разгром миссии, а присоединившиеся к толпе солдаты тегеранского губернатора. Известно, что посольская охрана находилась во внутреннем дворе миссии. Мальцев свидетельствовал, что не казаки, а персы заполнили все крыши и проходы¹⁶. Напомним, что Хедаят тоже отмечал: «На крышах здания миссии находилось много иранцев»¹⁷. Когда в ночь на 31 января 1829 г. переодетого Мальцева доставили во дворец, губернатор Зель-эс-Султан говорил ему, что «поехал было усмирять народ, но вынужден был вернуться, чтобы разъяренная чернь не бросилась во дворец шаха»¹⁸. Вряд ли, однако, Зель-эс-Султан заботился о безопасности персоны шаха, ибо он сам тайно мечтал оказаться на его месте. На пути к престолу стоял также его старший брат Аббас-мирза, признанный

¹⁴ Махмуд Махмуд. Указ. соч., Тегеран, 1328, стр. 222—232.

¹⁵ А. С. Грибоедов. Полн. собр. соч., т. III, Пг., 1917, стр. 61.

¹⁶ И. К. Ениколопов. Грибоедов и Восток, Ереван, 1954, стр. 187.

¹⁷ Реза-Голи-хан Хедаят. Указ. соч., стр. 709.

¹⁸ П. Е. Ефремов. О смерти А. С. Грибоедова в Тегеране. «Русский архив», 1872, №№ 7—8.

наследником по Туркманчайскому договору. По этой причине, а также потому, что договор обязал Иран выплачивать России контрибуцию (принц же не мог «равнодушно смотреть на умаление сокровищ, которые в случае смерти шаха... могли бы достаться ему»¹⁹), губернатор Тегерана выступал против Туркманчайского договора и готов был потворствовать любым антирусским интригам.

Больше того, материалы архива полковника Косоговского о содержании беседы, которая произошла 30 января 1829 г. между шахом и главным евнухом Манучехр-ханом, показывают, что о заговоре знал сам Фатх-Али-шах и не только знал, но создавал видимость принятия мер для предупреждения разгрома миссии²⁰. Заговорщики же делали все для того, чтобы шах не переменял своего намерения попустительствовать им: с этой целью они даже задержали в пути до убийства Грибоедова предназначенные для Фатха-Али дорогие подарки царя.

Организаторы погрома, уже упоминавшийся Мирза-Месих и зять шаха, бывший первый министр Аллаяр-хан, получали от англичан деньги. Кроме того, англичане доставили в Иран 10 тыс. ружей²¹. Не менее активно действовали и агенты султана. Турки также снабжали Каджаров деньгами, а в феврале 1829 г. инспирировали видимость наступления в районе Ахалциха с целью толкнуть Иран на войну с Россией. Шах понимал, что Россия скорее всего не станет воевать на два фронта и из двух зол выберет меньшее — откажется от контрибуции, которую Иран должен был ей выплатить. В случае же успешного продвижения турок на Кавказе шах рассчитывал присоединиться к Турции и изменить условия Туркманчайского договора, не дожидаясь согласия России. Союз с Турцией также давал ему надежду на восстановление былой власти Ирана в Закавказье.

С другой стороны, будучи человеком осторожным и нерешительным, Фатх-Али-шах опасался последствий новой войны с Россией. Выжидая, пока Турция добьется успеха, он лавировал во внешней политике и закрывал глаза на антирусский заговор среди своего окружения. Это лавирование продолжалось и после разгрома русской миссии, так как февральское «контрнаступление» турок под Ахалцихом быстро захлебнулось, а русское командование стало собирать под Астраханью 30-тысячную армию. Ведя двойную игру, Каджары обещали султану весной выступить на его стороне и одновременно послали в Петербург так называемое искупительное посольство принца Хосров-мирзы. Принцу было указано находиться в пути как можно дольше с тем, чтобы к его прибытию в Петербург прояснилась обстановка на русско-турецком фронте. И лишь капитуляция турецкой армии Рашид-паши у Кулевчи и падение Силистрии заставили шаха отказаться от третьей войны против России²². «Хорошо, что эта война не началась, ибо она закончилась бы для Ирана потерей всего Азербайджана»²³, — метко заметил профессор Таджбахш.

Иран все же получил от России желанную уступку — уменьшение контрибуции. Но значит ли это, что царь и его окружение поверили в случайность гибели Грибоедова? 16 марта 1829 г. царский министр иностранных дел граф Нессельроде писал ген. Паскевичу: «Его величеству отрадна была бы уверенность, что шах персидский и наследник престола чужды гнусному и бесчеловечному умыслу, и что сие происшествие должно приписать опрометчивым порывам усердия покойного Грибоедова, не соображавшего поведение свое с грубыми обычаями и понятиями черни тегеранской»²⁴. Из одного этого письма видно, что Николай I и его дипломаты, опасаясь войны на два фронта, в начале весны 1829 г. не хотели ссориться с Ираном и потому закрыли глаза на убийство Грибоедова. Изучение документов искупительной миссии Хосров-мирзы в Петербург показало, что Нессельроде знал о причастности шаха к убийству Грибоедова и намеренно создавал впечатление невинности первого.

По случаю убийства А. С. Грибоедова шах отправил царю два письма, которые не были опубликованы. Для объективного освещения вопроса было необходимо найти

¹⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, ф. 4329, л. 98.

²⁰ См. Г. М. Петров. Указ. соч., стр. 29.

²¹ «Кавказский сборник», т. XXX, стр. 153.

²² ЦГИА Грузинской ССР, ф. 11, оп. 1, д. 40, л. 82.

²³ А х м е д Т а д ж б а х ш. Указ. соч., стр. 174.

²⁴ «Кавказский сборник», т. XXX, стр. 170.

персидские тексты этих писем. Выяснилось, что текст одного из них был составлен в 1829 г. министром наследного принца и литератором Аболь-Касемом Фарахани. Впервые это «Письмо Фатх-Али-шаха Каджара императору России после убийства посланника» было напечатано в 1863 г. в сборнике произведений Фарахани.

«Пусть не останется тайной от жаждущего правды императора Всероссийского,— говорилось в письме,— что вследствие случайности и волнения темных людей пострадал посланник государства Российского в столице нашей державы, возмещение коего ущерба является обязанностью подчиненных Вашего действительного друга... Ввиду абсолютного единства, которое существует между нашими двумя высочайшими персонами, считаю своим долгом отомстить за смерть указанного посланника. Поэтому всякий из числа жителей и руководителей столицы, в причастности которого к этому делу имелось хоть малейшее подозрение, был привлечен к ответственности по мере вины и подвержен высылке. Даже городской пристав и старшина района, обвиняемые в том, что они были поздно оповещены о событиях и во время не приняли соответствующих мер, сняты нами со своих постов и наказаны. Особо отмечаем наказание, которому мы подвергли его высокопреосвященство Мирзу-Месиха, невзирая на его высокий религиозный сан и уважение, которым он пользуется среди привилегированных и простых людей»²⁵.

Текст письма шаха вовсе не создает впечатление, что А. С. Грибоедов был жертвой своих «опротечивых порывов усердия», приписанных ему царским министром иностранных дел. Из этого же письма стало известно о существовании другого послания шаха Николаю I, скорее всего грамоты, которая была найдена нами в фондах Центрального государственного исторического архива Грузинской ССР. В грамоте указывается: «Вашему величеству известно, что никакой благоразумный человек никогда не мог покуситься на подобное дело. Милосердный Боже! Возможно ли подозревать, чтобы наши визири и вельможи приняли участие в этом ужасном происшествии в то самое время, когда новый, счастливый мир, источник радости и благополучия, венчал желания обеих держав. Хотя драка между людьми посланника и чернью, столь внезапно возникшая, что невозможно было оказать никакой помощи, была причиною сего ужасного происшествия, визири наши перед Вашим Величеством покрыты пылью стыда, и лишь струя извинения может обмыть их лица»²⁶.

Таким образом, грамота также не обвиняет А. С. Грибоедова. Видимо, оба послания как раз потому и не были преданы гласности, что они не соответствовали духу официальной версии, сфабрикованной Нессельроде. Но дело не ограничивается этим. Проф. М. Махмуд, ссылаясь на «Путевые записки» хрониста Мирза-Мустафы, находившегося в свите принца Хосров-мирзы во время его поездки в Петербург, указывает, что накануне официальной аудиенции у Николая ген. Сухтелен попросил Хосров-мирзу написать текст своего выступления. Сопровождавшие принца переводчик французского языка Мирза-Масуд и Эхтешам составили это выступление, перевели на французский язык и передали ген. Сухтелену²⁷. Просьба Сухтелена объяснялась тем, что для царя было желательнее ответить не на грамоту шаха, содержащую обвинения иранской знати, а на речь принца, которая могла быть более неопределенной. Забегая вперед, сообщим, что текст выступления Хосров-мирзы еще более усложнил задачу царских дипломатов закрыть глаза на политический характер разгрома русской миссии. Правда, в интерпретации Нессельроде речь принца не создает такого впечатления: «Ужаснулось праведное сердце Фатх-Али-шаха при мысли, что горсть злодеев может привести к разрыву мира и союза между его величеством и великим монархом России»²⁸. Но в том-то и дело, что эта часть персидского текста резко отличается от фальсифицированного русского перевода, в котором «праведному» шаху противопоставляются безликие «злодеи», разгромившие русскую миссию по предначертанию судьбы. «Правительство Его Величества шахиншаха,— говорится в персидском тексте,— пришло в содрогание

²⁵ Сеид Мохаммед Тадайн. Монтехабат-аль-адаб, Тегеран, 1313; Гаем Магам. Моншаат-е гасаед ва гатеат, Тегеран, 1280, стр. 99—100.

²⁶ ЦГИА Груз. ССР, ф. 11, д. 40, л. 35об. В деле хранится фотокопия французского и русского переводов полного текста. Персидского текста этой грамоты шаха в архиве не оказалось.

²⁷ Махмуд Махмуд. Указ. соч., стр. 227.

²⁸ «Кавказский сборник», т. XXX, стр. 209.

от гнева при мысли, что горсть злоумышленников, направляемых рукой провокаций и интриг, может нарушить мирные и союзные отношения, восстановленные недавно с Великим Государем России»²⁹.

Как видим, в русском переводе выброшены строки о том, что горсть врагов направлялась «рукой провокаций и интриг». Формулировка Хосров-мирзы не только полностью снимала вину за разгром русской миссии с А. С. Грибоедова, но и должна была вызвать подозрения в ответственности иранского и английского правительств за это преступление.

Необходимо отметить, что условия, в которых Нессельроде внес изменения в эти документы, радикально отличались от условий, в которых он стремился вложить свой смысл в первое письмо шаха. После окончания русско-турецкой войны в августе 1829 г. (а именно тогда Хосров-мирза был принят в Георгиевском дворце) царизму уже нечего было опасаться второго фронта на Востоке. Возможно, что упрямому проведению царским министром иностранных дел версии о виновности Грибоедова в собственной гибели способствовали известный консерватизм и догматичность его мышления. Но нельзя забывать и о том, что, несмотря на благоприятный исход войны с Турцией и Ираном, царизм добивался преобладания в Иране в упорной борьбе с Англией. Именно поэтому Николай I простил Фатх-Али-шаху убийство А. С. Грибоедова, девятый курур контрибуции, а выплату последнего курура продлил на следующие 5 лет.

Что касается Каджаров, то они могли только мечтать о таком обороте дела. Даже реакционный иранский историк М. Афшар, которого никак нельзя заподозрить в симпатиях к России, в докторской диссертации «Европейская политика в Персии» признает: «Умеренность русского царя после трагического происшествия (убийства А. С. Грибоедова.— Б. Б.) крайне удивила Фатх-Али-шаха, которому казалось, что Россия и Иран находились на волосок от войны». После этого, замечает М. Афшар, «железный царь сделался для Ирана царем мира, а шах был разочарован Англией неизмеримо больше, чем в свое время Францией, и, убедившись в военном превосходстве России, не оттолкнул руки, так милостиво протянутой ему царем»³⁰.

Таким образом, вопреки заявлениям большинства иранских буржуазных историков, отрицающих политический характер убийства А. С. Грибоедова, освобождение более сорока тысяч пленных и их переселение в Россию было только предлогом к убийству чрезвычайного посланника России. Основная причина, приведшая к разгрому русской миссии, крылась в реваншистских планах Каджаров, которые рассчитывали в случае успеха турецкой армии денонсировать Туркманчайский договор и начать против России третью войну в невыгодной для царизма международной обстановке. На это толкала Иран и Англия, стремившаяся укрепить экономические позиции и политическое влияние на Ближнем и Среднем Востоке.

Нельзя, конечно, снимать ответственность за убийство А. С. Грибоедова и с царизма, чья внешняя политика позволила осуществить эту кровавую провокацию. Отклонив вопреки интересам России экономические, дипломатические и военные проекты А. С. Грибоедова, царизм фактически лишил автора «Горя от ума» всякой поддержки.

²⁹ Махмуд Махмуд. Указ. соч., стр. 228.

³⁰ M. Afshar. La politique européenne en Perse, Berlin, 1921, p. 61—62.